

послания, не находят возможным приписать его Феодосию Печерскому, современнику князя Изяслава Ярославича, не сочли необходимым объяснить сколько-нибудь удовлетворительно, какие причины заставили их, вопреки рукописным свидетельствам, воздвигать сложное и хрупкое здание своей гипотезы, целиком составленной из одних взаимно поддерживающих друг друга догадок и предположений.¹ Мне думается, что объяснение этого

¹ Так, исходя из того обстоятельства, что монахи-редакторы первопечатного Печерского патерика не включили ответ Феодосия на вопрос князя Изяслава о вере латинской в состав своего издания, А. Кубарев писал: «...строгая и просвещенная критика издателей печатного патерика еще 200 лет до нашего времени не признала сего сочинения за подлинное и достоверное. И могли ли бы они, приняв в свой патерик поучительные послания Симона и Поликарпа, исключить из него беседу св. Феодосия, не имея к тому достаточных оснований? И так нам принимать этот ответ за подлинный, вопреки критике мужей столь отличных по уму и просвещению, спустя 200 лет после них, неприлично». (А. Кубарев. О редакциях Патерика Печерского. Чтения в Общ. истор. и древн. росс. при Московск. унив., 1858, кн. III, I, стр. 119); П. Мартынов, пересказав содержание послания, ограничился следующим замечанием: «Tel est en substance cet écrit que les écrivains russes ne se font pas scrupule d'attribuer à Théodose, mais qu'une critique sérieuse et libre ne tardera pas, nous l'espérons, à rejeter comme apocryphe et injurieux à la mémoire du saint higoumène de Kief» (P. Martynof. Les manuscrits slaves de la bibliothèque impériale de Paris. Paris, 1858, p. 99). Что касается аргументации Е. Голубинского, то она в сущности немногим отличается от вышеприведенной его ближайших предшественников; «Во-первых, — писал этот исследователь, — преп. Феодосий Печерский вовсе не мог иметь тех сведений об отступлениях и обычаях латинян, которые сообщает автор; во-вторых, совершенно и нисколько не идет к преп. Феодосию то, что он — автор — говорит о себе и о своем отце, и, наконец, в-третьих, преп. Феодосий и на вопрос Изяслава: достоин ли резать скот в неделю, начинает ответ: «Что взмысли, боголюбивый княже, вращати мене, некнижна и худа, о таковой вещи» (Е. Голубинский имеет в виду послание Феодосия к князю о неделе и о посте в среду и пятницу), но так ли отвечает наш автор на свой совсем другого сорта вопрос (т. е. вопрос о латинской вере)? Вообще мы не сомневаемся — пишет Е. Голубинский далее, очевидно подыскивая более веские доказательства, — что слово принадлежит нашему Феодосию (т. е. Феодосию Греку, автору посвященного князю Николаю Святоше перевода послания папы Льва I к патриарху Флавиану) и написано им для того же Николая Святоши, что всего вероятнее, или для другого какого-нибудь князя, а преп. Феодосию усвоено после по весьма понятному недоразумению» (Е. Голубинский, *op. cit.*, стр. 859). «Голубинский... указал на то, что эта полемическая статья против латинян не может принадлежать перу св. Феодосия; отсылаю к указанному месту труда Голубинского тех, кто пожелает убедиться в справедливости сомнений почтенного ученого. Я разделяю эти сомнения...», — вот все, что мы читаем по интересующему нас вопросу у А. А. Шахматова (*op. cit.*, стр. 828). Ср. А. И. Ляценок, *op. cit.*, 27—28. Указание Е. Голубинского на будто бы вопиющее несоответствие между тем, что говорит Феодосий о своем отце, и данными его собственной биографии — неубедительно и, во всяком случае, еще не дает нам никакого права отрицать принадлежность послания Феодосию Печерскому; отец Феодосия действительно умер, когда его сыну было тринадцать лет, но это обстоятельство ни в какой степени еще не доказывает того, что Феодосий не мог помнить отцовского совета воздерживаться от общения с латинянами, во-первых; во-вторых, Феодосий, упоминая в послании о своем «правверном» отце, мог иметь в виду своего духовного отца. Впрочем, ни в том ни в другом предположении нет необходимости, так как вопрос решается значительно проще: тот факт, что Феодосий приписал своему «правверному» отцу все свои советы и обвинения, направленные против латинян, т. е. фактически все содержание своего послания князю Изяславу, дает нам